

УДК 94(37).0

DOI 10.18413/2075-4458-2018-45-4-629-637

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РИМСКОГО СЕНАТА КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ
НЕСТАБИЛЬНОСТИ В «РИМСКОЙ ИСТОРИИ» ДИОНА КАССИЯ****ROMAN SENATE'S ACTIVITY AS A FACTOR OF POLITICAL INSTABILITY
IN CASSIUS DIO' «ROMAN HISTORY»****К.В. Марков****K.V. Markov**

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Nizhny Novgorod State University,
23 Gagarin av., Nizhny Novgorod, 603950, Russia

E-mail: mkv_2003@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей репрезентации Дионом Кассием деятельности римского сената во времена политической нестабильности и гражданских войн периода поздней республики и принципата. Исследование показывает, что трактовка Дионом роли сената в таких событиях как политическая борьба 50-х гг. до н. э., диктатура Цезаря и гражданские войны 40-х гг., приход к власти Гальбы и Отона имеет заметную специфику в сравнении с предшествующей античной историографией. Авторская интерпретация перечисленных событий проявляется, прежде всего, в применении определенного набора объяснительных моделей, сформированных под влиянием проблематики взаимоотношений императоров и сената в эпоху Северов и отражающих стремление автора придать повествованию определенную парадигматичность.

Abstract

The aim of the article is to study the peculiarities of Cassius Dio's representation of the Roman Senate in times of political instability and civil wars of the late Republic and the Principate. The study shows that the author's interpretation of the Senate's role in such events as the political struggle of the 50 – s BCE, the dictatorship of Julius Caesar and the civil wars of the 40 – s BCE, the coming to power of Galba and Otho has a noticeable specificity in comparison with the previous historiography of the republican and imperial Rome. Dio's conceptualization of these events is manifested, first of all, in the application of a certain set of explanatory models formed under the influence of the live issues of relations between the emperors and the Senate under the Severans and reflects the author's intention to make the narrative paradigmatic sounds.

Ключевые слова: Древний Рим, римский сенат, Римская республика, Римская империя, Дион Кассий.

Keywords: Ancient Rome, the Roman Senate, Roman Republic, Roman Empire, Cassius Dio.

В последнее время среди исследователей утвердилось мнение, что в представлении Диона Кассия период поздней Республики – это эпоха, обозначенная самим автором как *δυναστεία* (ЛП. 1.1), главное содержание которой составляло периодическое сосредоточение экстраординарной власти в руках одного или нескольких политических лидеров, чьи неумные амбиции вели к ожесточенной борьбе, кризисам и гражданским войнам. Опираясь на методологию современных нарратологических штудий, А. Кимизис рассматривает

διναστεία как один из т. н. «нарративных модусов (narrative modes)»¹ труда Диона, которые определяются исследователем как отдельные части произведения с характерными исключительно для них парадигмами репрезентации мотивов деятельности исторических личностей, особенностей государственного строя и способов коммуникации между государством и обществом [Kemezis, 2014, p. 102]. Специфика данного «модуса» заключается, по мнению Кимизиса, в том, что коллективная деятельность в государственных интересах оказывается более не возможной, в то время как ход событий определяется конфликтами, возникающими среди весьма ограниченного количества ключевых политиков. Подобное понимание повествования Диона о поздней Республике встречается в ряде недавно опубликованных или находящихся в печати работ, авторы которых анализируют преимущественно формы восприятия и репрезентации Дионом влияния деятельности политических лидеров (Сулла, Помпей, Цезарь) на разрушение римской Республики и разжигание гражданской войны [Bertrand, 2016; Coltelloni-Trannoy, 2016a; Coudry, 2016a p. 48–50; Coudry, 2016b, p. 610; Madsen, 2016, p. 145–146; Lange, 2018 forthcoming]. При этом отмечается, что Дион во многом воспроизводит восходящую к Фукидиду концепцию человеческой природы как фактора борьбы за власть среди элит [Hose, 2007, p. 464; Lange, 2018 forthcoming].

Данная статья представляет собой попытку, отклонившись от обозначенного магистрального направления, расширить поле для исследования с учетом прочих факторов, которые, в представлении Диона, могли приводить к насилию, политической нестабильности и гражданской войне. Важнейшим из таких факторов представляется первая деятельность римского сената как органа власти, объединяющего представителей правящего сословия и оказывающего заметное влияние на ход истории, тем более что Диона традиционно причисляют к представителям «сенаторской историографии» на том основании, что автор уделяет повышенное внимание эволюции полномочий и политических интересов этого органа власти [Hose, 1994, S. 406; Coudry, 2016b, p. 612; Scott 2018, p. 9].

Согласно Б. Кун-Чен, деятельность сената представлена в разных частях труда Диона в качестве фактора истории [Kuhn-Chen, 2002, S. 230–237], и, как показывает ряд исследований, автор посредством специальных нарративных приемов позиционирует сенат в качестве важнейшего центра принятия политических решений не только в республиканском, но и императорском Риме [Coudry, 2016b, p. 612; Coltelloni-Trannoy, 2016b, p. 626; Platon, 2016, p. 65]. Цель данной статьи состоит в том, чтобы определить, каким представлялось Диону влияние деятельности римского сената на ход исторических событий в смутные времена римской истории, т. е. периоды острых политических кризисов и гражданских войн разных эпох. Главный вопрос – насколько для Диона характерен взгляд на римский сенат как на политическую силу, преследующую свои собственные политические интересы и способную оказывать влияние на исторический процесс. Еще один вопрос – это степень сходства между объяснительными моделями, раскрывающими причинно-следственные связи между событиями позднереспубликанского периода и борьбой за власть в 68–69 и 193–197 гг. Поиск ответов на перечисленные вопросы представляется важным пониманию историко-политической концепции Диона в целом и в частности для выявления корреляции между современными Диону политическими реалиями и характером его восприятия и репрезентации деятельности сената как фактора истории.

В книгах «Римской истории», посвященных позднереспубликанскому периоду, можно встретить множество примеров повествования о римском сенате как политической силе, отстаивающей собственные интересы и противостоящей прочим участникам политического процесса, таким как римский плебс или отдельные влиятельные политики [Blois de, 1997, p. 2655–2656; Kuhn-Chen, 2002, s. 220]. Один из примеров – поставленный народным трибуном Габинием вопрос о предоставлении *imperium magnum* Помпею для борьбы с пиратами в 67 г. до н. э. Согласно Диону, данная инициатива вызвала бурную

¹ Кимизис, основываясь на сообщениях самого Диона о периодизации римской истории и рефлексии относительно методов историописания, выделяет четыре таких модуса: демократия (т. е. римская республика до гражданских войн), *διναστεία*, единовластие, современные автору события (*an eyewitness/contemporary mode*).

реакцию сената, не желавшего наделять Помпея экстраординарными полномочиями. Разворачивается ожесточенная борьба. В какой-то момент сенаторы оказываются близки к тому, чтобы убить Габиния; происходят столкновения с плебсом, поддержавшим предложение трибуна и, в конце концов, под давлением толпы сенат вынужден пойти на уступки (XXXVI.23–24)¹. Этот пассаж рассматривается как пример демонстрации Дионом дисфункциональности позднеереспубликанской политической системы [Coudry, 2016a, p. 610; Madsen, 2016, p. 144]. Действительно, с точки зрения автора сенат в данном случае преследует свои политические цели и противостоит в этом отношении Помпею и римскому плебсу. События 63 и 62 гг. до н. э. отмечены борьбой между сенатом и народом [Kuhn-Chen, 2002. S. 232]², одним из эпизодов которой стало выдвижение Титом Лабием против Гая Рабирия обвинения в убийстве Сатурнина. Эта инициатива рассматривается Дионом как атака на влияние и достоинство сената и угроза всему общественному порядку. Народные трибуны будто бы намеревались подорвать властные полномочия сената и обеспечить себе возможность делать все, что заблагорассудится (XXXVII. 26. 2). Эта конфронтация приводит к появлению противоборствующих группировок и распрям вокруг судебного решения, нарушению функционирования всей государственной системы (XXXVII. 26. 1–27. 2). Специфика версии Диона становится особенно заметна на фоне сравнения с тем, как эту историю трактует Светоний. Согласно последнему, обвинение в государственной измене было выдвинуто против Гая Рабирия лицом, подкупленным Юлием Цезарем, и, следовательно, оно относилось к числу мер, которые Юлий Цезарь предпринимал для подрыва могущества «аристократической партии» (Suet. Iul. 11–12).

Другой пример противопоставления сената и плебса – повествование Диона о попытке обвинить Цицерона в якобы незаконной казни римских граждан, собственно Лентула и прочих последователей Катилины (XXXVII. 42. 1–3) [Flower, 2010, p. 163–64; Flower 2006, p. 99–102]. Согласно Диону, это обвинение, выдвинутое, казалось бы, против конкретного лица, тем не менее было направлено против сената в целом (XXXVII. 42. 2). Автор упоминает о том, как один из обвинителей, народный трибун Метелл Непот, выступил с публичной обличительной речью против сената, заявив, что сенаторы не имели права приговаривать к смерти кого бы то ни было из граждан без согласия на то римского народа. Затем, когда Цицерону удалось избежать судебного преследования, Непот даже начал хлопотать о призыве в Рим благоволившего плебсу Помпея и его армии, ибо надеялся обрести могущество, «пожав плоды посеянной самим же смуты» (XXXVII. 43. 1). Сенаторы не дали трибуну осуществить этот план, что в итоге приводит к вооруженной борьбе и бегству Непота к Помпею (XXXVII. 43. 2–3).

Конфронтация между сенатом и политическими лидерами иллюстрируется также несколькими пассажами, посвященными искательству Помпеем и Крассом консульской должности (XXXIX. 27–30). Столкнувшись с противодействием консулов и опасаясь, что их имена не будут внесены в представляемые народу списки кандидатов, Помпей и Красс попытались при помощи народных трибунов отложить выборы до начала следующего года и тем самым добиться назначения интеррекса, который занял бы в комициях место консула. Сенаторы возмущены подобными действиями Помпея и Красса (XXXIX. 28–29), что приводит к ожесточенной борьбе между сенатом и доверенными лицами кандидатов (XXXIX. 29. 2)³. Дион признает, что сенаторы опасались Помпея так же, как и Юлия Цезаря, но предпочли сотрудничать и взаимодействовать с первым из двух, потому что Помпей «менее благоволил плебсу, чем Цезарь»; сенаторы надеялись привлечь его на свою сторону и рассчитывать на него как на «своего человека» (XL. 50. 4). В данном случае Дион еще раз

¹ О беспорядках при голосовании по вопросу о наделении Помпея полномочиями в 67 г. см.: [Wiseman, 1994, p. 331–339].

² Специфика отношения Диона к римскому плебсу раскрывается в ряде работ [de Blois, 1997, p. 2655–2656; Yavetz, 1969, p. 5–6; Langford, 2013, p. 55–63].

³ В центре внимания Аппиана оказывается несколько иной сюжет, имеющий отношение к данному событию, а именно раздор между Помпеем и другим претендентом на должность консула (Bell. Civ. 2.17).

подчеркивает независимость политического курса римского сената, который противопоставляется прочим участникам политического процесса – плебсу и известным политическим лидерам позднереспубликанской эпохи. Подобный взгляд прослеживается и в авторской трактовке конфликта между сенатом и Юлием Цезарем, а также в репрезентации отношения сенаторов к диктатуре Юлия Цезаря. Дион обращает пристальное внимание на то, сколь много было сделано сенатом для того, чтобы скомпрометировать Юлия Цезаря, и осуждает чрезмерные почести, оказанные диктатору сенатом: «Вот каким образом это случилось, причина же его смерти была такова. Неприязнь, которую он вызвал к себе, была в целом не безосновательной, за исключением того, что это сами сенаторы неслыханными и чрезмерными почестями тешили его самолюбие, дабы потом его этим же попрекать и распространять слухи о том, сколь охотно он принимал почести и сколь более заносчивым от этого становился» (XLIV. 3. 1–2)¹. Дион таким образом демонстрирует и акцентирует двуличие сенаторов, которые якобы развернули целенаправленную кампанию по дискредитации Юлия Цезаря (XLIV. 3. 1). У последнего не остается выбора, кроме как принять почести, которые он воспринимает как признание собственных заслуг (XLIV. 3. 3). Согласно однозначному высказыванию Диона, все эти мероприятия показывали, каков был сенатский замысел (δί'ανοια) в отношении Юлия Цезаря (XLIV. 7. 1). Большинство сенаторов придерживались данного курса, потому что были заинтересованы в разжигании ненависти к Юлию Цезарю, «дабы он как можно скорее погиб» (XLIV. 7. 3).

Таким образом, Дион приписывает сенату в целом наличие если не специально разработанного плана, то, во всяком случае, единодушия в намерении уничтожить диктатора. Сенату удалось в итоге скомпрометировать режим посредством чрезмерных почестей и облегчить тем самым задачу заговорщикам, особенно после того, как Цезарь отказался от телохранителей, сославшись на привилегию быть под охраной всех сенаторов и всадников (XLIV. 7. 4).

Подобная интерпретация хорошо известных фактов отличается от версий, донесенных до нас прочими источниками. Согласно Светонию, например, чрезмерные почести оказывались Цезарю ради удовлетворения его непомерного тщеславия (Suet. Iul. 76. 1). Плутарх также упоминает предложения о почестях, которые разжигали неприязнь к диктатору даже среди самых кротких из граждан (Plut. Caes. 57. 2). Автор допускает, что в подобном развитии событий были заинтересованы как льстецы, так и враги диктатора, но отнюдь не указывает на принадлежность последних к римскому сенату и приверженность его политической повестке (Plut. Caes. 57. 3). О многочисленных случаях дарования Цезарю привилегий сообщает и Аппиан (Bell. Civ. II. 106–108), но, в отличие от Диона, он скрупулезно перечисляет различные мотивы инициаторов: одни желали угодить Цезарю из страха (II. 106), иные стремились выслужиться (II. 107), прочие намеревались выставить диктатора в неприглядном свете и приблизить его гибель (II. 108); вместе с тем некоторые сенаторы были готовы провозгласить в Риме монархию (II. 113). Дион, как было показано выше, опуская все эти детали и возможные альтернативные трактовки, делает акцент на реализации чаяний сенатского большинства как главной объяснительной модели, раскрывающей причины краха диктатуры Юлия Цезаря.

Повествуя о потрясениях, которые последовали после мартовских ид 44 г. до н. э. и предшествовали созданию триумvirата, Дион обличает «близорукость» сенатской политики и возлагает долю ответственности за гражданские войны именно на римский сенат. Автор обвиняет сенаторов в интригах, политическом лавировании и неспособности наладить взаимодействие с наиболее здравомыслящим политическим лидером, намекая на Октавиана (XLVI. 34. 1) [Madsen, 2019 forthcoming]. Дион в данном случае рассуждает так, словно итог гражданских войн был уже заранее известен. Обратим при этом внимание

¹ ἔσχε δὲ ᾧδε, καὶ αἰτίαν τήνδε ὁ θάνατος αὐτοῦ ἔλαβεν: οὐ γὰρ δὴ καὶ ἀναίτιον πάντη τὸ ἐπίφθονον ἐκτίσατο, πλὴν καθ' ὅσον αὐτοὶ οἱ βουλευταὶ ταῖς τε καινότησι καὶ ταῖς ὑπερβολαῖς τῶν τιμῶν ἐξάραντές τε αὐτὸν καὶ φουσήσαντες ἔπειτα ἐπ' αὐταῖς ἐκείναις καὶ ἐμέμφοντο καὶ διέβαλλον ὡς ἡδέως τέ σφας λαμβάνοντα καὶ ὀγκρότερον ἢ τῶν ζῶντα.

на контекст. Автор суммирует последствия битвы при Мутине, оплакивая огромное количество погибших, в том числе сенаторов и всадников, а также упоминает о кровопролитии, которое совершалось в самом Риме, как при Сулле, в результате чего был загублен весь цвет римского народа (XLVI. 33. 5–6). Автор поясняет: «Виновниками всех бедствий стали сами сенаторы. Тогда, когда им необходимо было примкнуть к кому-то одному [лидеру], кто мыслил здраво, и всячески его поддерживать, они этого не сделали, но принялись выказывать иным свое расположение, усиливая их против других, а потом их самих же сокрушать, вследствие чего лишились друзей и сделали всех своими врагами. Действительно, люди отнюдь не одинаково расположены к тем, кто причиняет им вред, и к тем, кто оказывает благодеяния...» (XLVI. 34. 1–2)¹. Далее Дион вкратце упоминает о главных целях прочих участников политического процесса – политических лидеров, боровшихся за упразднение народного собрания и установление единовластия, и примкнувших к разным военачальникам римских граждан, «сражавшихся за то, чтобы увидеть, чьими рабами они станут» (XLVI. 34. 4).

Все эти рассуждения Диона некоторым образом сопоставимы со вступлением Аппиана к его «Гражданским войнам», содержащим обобщенную концепцию сути, причин и последствий римских междоусобиц позднереспубликанской эпохи (Bell. Civ. I. 1–2), а также краткий обзор событий, начиная со смерти Тиберия Гракха до битвы при Акции (Bell. Civ. I. 3–6). Согласно Аппиану, политический кризис, обернувшийся крушением республики, был связан с деятельностью т. н. «партий», лидеры которых, преследуя узкокорыстные интересы, стремились к обретению верховной власти. Главное отличие Диона состоит в том, что он следует иному принципу определения основных акторов политического процесса в Древнем Риме и, как было показано выше, подчеркивает различия в политических целях и действиях сената, римского плебса и политических лидеров. Такая концепция позднереспубликанских событий могла бы, согласно Диону, быть поучительной для современников Диона, предположительно не только в эпистемологическом смысле: «Вот что творилось тогда в римском государстве. Теперь же я поведаю о произошедших событиях по порядку, ибо, как мне кажется, повествование является в высшей степени поучительным, если кто-либо, опираясь в изложении фактов на обобщающие суждения, определяет на основе этих суждений природу происходящих событий и подтверждает истинность размышлений, демонстрируя их соответствие фактам» (XLVI. 34. 5–35. 1)².

М. Хозе интерпретировал подобные суждения как свидетельство приверженности Диона дедуктивному методу. Исследователь полагает, что Дион сначала формировал объяснительную модель для изложения событий, а затем интерпретировал факты в свете своей общей концепции, выступая, таким образом, в роли политического наставника [Hose, 1994, S. 422–423]. Действительно, Дион, формулируя в главах 33–34 собственное объяснение событий, приведших к проскрипциям и известным последствиям одиозной политики триумвиров, уделяет повышенное внимание значительному количеству погибших среди сенаторов и их собственной ответственности за эти события. Такая расстановка акцентов выдает личный интерес автора к вопросам выживания сенаторов в смутные времена. Вместе с тем его уверенность в том, что сенату следовало бы действовать иным образом и достичь политического консенсуса с одним из лидеров³, свидетельствует о наличии у него представления о возможности альтернативной политики. Вероятно, нам следует принять во внимание личный опыт Диона, отраженный в том числе в его повествовании о граж-

¹ αἵτιοι δὲ τῶν κακῶν τούτων αὐτοὶ ἑαυτοῖς οἱ βουλευταὶ ἐγένοντο. δεόν γὰρ αὐτοὺς ἕνα τινὰ τὸν τὰ ἀμείνω φρονούντα простήσασθαι καὶ ἐκεῖνον διὰ παντὸς συνάρασθαι, τοῦτο μὲν οὐκ ἐποίησαν, ὑπολαβόντες δὲ δὴ τινὰ καὶ ἐπὶ τοὺς ἑτέροισι ἐπαυξήσαντες ἔλειπα καὶ ἐκεῖνοὺς ἀντικαθελεῖν ἐπεχείρησαν, κακὰ τούτου φίλον μὲν οὐδένα, ἐχθροὺς δὲ πάντας ἔσχον. οὐ γὰρ τὸν αὐτὸν τρόπον πρὸς τε τοὺς λυπήσαντάς τινες καὶ πρὸς τοὺς εὐεργετήσαντας διατίθενται...

² ἐς τοῦτο μὲν δὴ τότε τὰ τῶν Ῥωμαίων πράγματα προήχθη, λέξω δὲ καὶ καθ' ἕκαστον τῶν γενομένων: καὶ γὰρ καὶ παιδευσίς ἐν τούτῳ τὰ μάλιστα εἶναι μοι δοκεῖ, ὅταν τις τὰ ἔργα τοῖς λογισμοῖς ὑπολέγων τὴν τε ἐκείνων φύσιν ἐκ τούτων ἐλέγῃ καὶ τούτους ἐκ τῆς ἐκείνων ὁμολογίας τεκμηριοῖ.

³ Судя по контексту, Дион имеет в виду Октавиана.

данской войне 193–197 гг., которое выстраивается вокруг тех же проблемных вопросов, которые автор поднимает в своих размышлениях о причинах и последствиях гражданских войн 40-х гг. I в. до н. э. Для этого охарактеризуем представления Диона о роли сената в *στάσεις* эпохи принципата.

Дион определяет принципат как единовластие, систему, в которой сенат имел весьма ограниченное влияние на принятие политических решений (LIII. 17. 3) [Madsen, 2016, p. 146], но тем не менее автор признает способность сената выступить против императора в случае полной деградации последнего, а также в случае нарушения формы и содержания взаимодействия принципса с *ordo senatorius*. Когда отношения между Тиберием и сенатом достигли низшей точки, сенаторы подняли вопрос о предоставлении императору дополнительной охраны из 20 сенаторов, вооруженных кинжалами и призванных сопровождать Тиберия всякий раз, когда он входил в сенатскую курию (LVIII. 17. 4). Дион повествует о данном предложении как курьезном случае, но вместе с тем признает способность сената совершить покушение на императора, в связи с чем последний «не был столь прост, чтобы давать кинжал всякому, кого он ненавидел, и кто ненавидел его» (LVIII. 18. 1) [Platon, 2016, p. 654].

Далее мы обнаруживаем, что такая возможность была реализована применительно к Нерону. Дисфункциональность его режима подталкивает сенат к тому, чтобы заявить о себе как самостоятельной политической силе: «Когда он [Нерон] уже был готов предпринять эти меры [убить сенаторов, сжечь Рим и отправиться в Александрию], сенат распустил его охрану, и, придя в распоряжение войска, сенаторы провозгласили его врагом, а Гальбу – императором вместо него» (LXIII. 27. 2b)¹. В тексте «Римской истории» данное мероприятие преподносится исключительно как сенатское начинание.

В этом отношении версия Диона отличается от описания данного события у Иоанна Антиохийского (Joann. Antioch. frg. 91 Muell. v. 25–35). Согласно последнему, сенаторы вели переговоры с преторианцами и императорскими телохранителями и убедили их перейти на свою сторону. После этого солдаты убили префекта претория Сципула и перестали охранять императора, разделив тем самым ответственность за заговор с сенаторами.

Контраст между двумя версиями показателен в отношении селективности Диона в работе с источниками и его приверженности идее репрезентации сената как важного центра принятия политических решений в смутные времена. Более того, повествуя о неурядицах, последовавших после крушения режима Нерона, особенно о событиях 69 г. до н. э., автор делает акцент на конфронтации между сенаторами и солдатами в плане их политических интересов, что отчетливо показано Дионом в его повествовании о «бунте преторианцев»: «...больше всего его ненавидели потому, что он сделал власть продажной, отдал Город в руки наглеших людей, народ и сенат ни во что не ставил, а воинов, помимо прочего, убедил в том, что они могут и убить, и создать Цезаря. Подарками и чрезмерной лестью он довел воинов до такой дерзости и беззакония, что однажды они в своем обычном вооружении силой проложили себе путь во дворец, где в это время Отон угощал обедом множество сенаторов и, в конце концов, ворвались в обеденный зал, по дороге умертвив тех, кто пытался их удержать» (LXIII[LXIV]. 9. 1–2)². Как подчеркивается в данном пассаже, мятежный нрав римских воинов становится источником опасности для сенаторов, поскольку им позволили действовать как самостоятельной политической силе [de Blois, 1997, p. 3411].

¹ Μέλλοντος δὲ ταῦτα πράσσειν ἡ βουλὴ τὴν περὶ τὸν Νέρωνα φρουρὰν ἀποκαλέσασα εἰσῆλθεν εἰς τὸ στρατόπεδον, καὶ τὸν μὲν πολέμιον ἀπέφηνε, τὸν δὲ Γάλβαν ἀνθέϊλετο αὐτοκράτορα

² μάλιστα δὲ αὐτοῦ ἐμίσουν ὅτι τὴν τε ἀρχὴν ὄνιον ἀπεδεδείξει καὶ τὴν πόλιν ἐπὶ τοῖς θρασυτάτοις ἐπεποιήκει, καὶ τὴν μὲν βουλὴν καὶ τὸν δῆμον παρ' οὐδὲν ἦγε, τοὺς δὲ διὴ στρατιώτας ἐπεπέικει καὶ τοῦθ' ὅτι καὶ ἀποκτεῖναι Καίσαρα καὶ ποιῆσαι δύνανται. τοὺς μέντοι στρατιώτας ἐς τοσοῦτον τόλμης καὶ παρανομίας προήγαγεν ἔκ τε ὧν ἐδίδου καὶ ὧν καθ' ὑπερβολὴν ἐκολάκευεν, ὥστε καὶ ἐς τὸ παλάτιόν ποτε, ὥσπερ εἶχον, ἐσεβιάσαντο, ἐπειδὴ συχνοὶ τῶν βουλευτῶν ἐνταῦθα τῷ Ὁθωνί συνεδείπουν, καὶ τέλος καὶ ἐς αὐτὸ τὸ συμπόσιον, προαποκτείναντες τοὺς εἰργοντάς

Такая трактовка заметно отличается от того, как эти события передает Тацит (Тас. Hist. I. 80–84). Последний упоминает целый ряд причин для мятежа: воцарившаяся среди солдат суматоха и неразбериха; слух о том, что сенаторы намерены уничтожить Отона; охватившее некоторых солдат желание пограбить и т. д. (Тас. Hist. I. 80)¹. На фоне развернутых сообщений предшественников упрощенная трактовка Диона отражает, вероятно, специфику рефлексии автора III в., который рассматривал попустительство императора по отношению к солдатам как вызов сенаторским интересам и который, вероятно, мог проводить параллели между неурядицами правления Отона и засвидетельствованными им самим событиями, случившимися в Риме после прихода к власти Юлиана. Показательно, что мятеж преторианцев в интерпретации Диона – закономерное последствие тех обстоятельств, при которых Отон пришел к власти (LXIII [LXIV]. 9. 1), а именно активное участие солдат в мятеже (LXIII [LXIV]. 4–5), при том, что Дион в весьма сходных выражениях описывает «выставление императорской власти на продажу» в обоих случаях (Ср. LXIII [LXIV]. 9. 1 и LXXII [LXIII]. 11. 3).

Изложение событий, связанных с убийством Коммода и кратким правлением пришедшего ему на смену Пертинакса, также павшего жертвой заговорщиков, открывает повествование Диона о еще одном периоде *πόλεμοι καὶ στάσεις* (LXXIII [LXXII]. 23. 1). Рассмотрим представленное в LXXIV [LXXIII] кн. описание деятельности Сената, начиная с момента прихода Юлиана к власти. От лица всех сенаторов Дион передает, сколь велик был их страх, когда они узнали об этом событии (LXXIV [LXXIII]. 12. 1–2). Тем не менее сенаторы утвердили Юлиана в качестве императора и оказывали ему почести (LXXIV [LXXIII]. 13. 1), в частности постановили поставить золотую статую в его честь.

Тон повествования, однако, заметно меняется после того, как Дион обращается к повествованию о событиях, происходивших за пределами Рима, и упоминает о трех политических лидерах, вступивших в борьбу за власть (LXXIV [LXXIII]. 14. 3), и отмечает, что более всего шансов стать императором было у Септимия Севера (LXXIV [LXXIII]. 15. 1). Сенаторы определили это по предзнаменованию в небе: «Именно это [событие] предвещало внезапное появление трех звезд вокруг солнца в тот самый момент, когда Юлиан перед зданием сената приносил жертвы по случаю вступления в должность. Они были так отчетливо видны, что воины то и дело смотрели на небо и указывали друг другу на это знамение; по их рядам стал распространяться слух, что Юлиана ожидает ужасная участь» (LXXIV [LXXIII]. 14. 4).

Упоминание об этом событии становится поворотным пунктом в повествовании Диона. Далее он, повествуя от первого лица, всячески демонстрирует определенную дистанцию между императором и римским сенатом. Так, глядя на три звезды в небе, сенаторы молятся о том, чтобы Юлиан был повержен (LXXIV [LXXIII]. 14. 5). Они также высмеивают приготовления Юлиана к борьбе против Септимия Севера, в частности непригодность к ратному труду привыкших к изнеженному образу жизни преторианцев, а также работы по укреплению дворца, как если бы Юлиан мог укрыться там после проигранного сражения (LXXIV [LXXIII]. 16. 2–4). Сенаторы выступают в данном случае как сторонние наблюдатели, не имеющие ничего общего с мероприятиями Юлиана, которые вызывают у них смех. Вполне вероятно, что некоторые детали описания коллективного поведения сенаторов восходят к сочинению о гражданских войнах 190-х гг. и отражает политическую повестку того времени. Вероятно, у Септимия Севера могли возникнуть вопросы относительно деятельности сенаторов при Юлиане, например, относительно утверждения власти узурпатора и почестей, которые ему оказывались. Возможно, именно поэтому Дион демонстрирует контраст в поведении сенаторов до и после сообщения о том, что Септимий Север вступил в борьбу за власть. Страх и трепет теперь сменяются смехом, который, с одной стороны, дистанцирует сенаторов от Юлиана, а с другой стороны, показывает их

¹ Ср.: Suet. Otho. 8. 2; Plut. Otho. 3. 3–13. См. подробнее: [Heubner, 1958, S. 339–353; Drexler, 1959, p. 153–163; Murison, 1993, p. 120–130].

ненависть к правящему режиму. Теперь сенаторы знают, кого из претендентов на императорскую власть следует поддержать. При первой же возможности они приговаривают Юлиана к смерти и провозглашают Септимия Севера императором (LXXIV[LXXIII]. 17. 4). Вместе с тем утверждение власти Септимия Севера, сопровождавшееся «чисткой» сената, описывается автором в мрачных тонах, но если реальный консенсус между императором и *ordo senatorius* недостижим, то его по крайней мере следует продемонстрировать (см. напр.: 76[75]. 8. 5), дабы избежать лишних жертв. Прагматичность Диона в этом отношении повлияла на его видение проблематики взаимоотношений сенаторов и императоров в периоды *πόλεμοι καὶ στάσεις* разных эпох и предопределила парадигматичность его трактовки и репрезентации ряда событий позднереспубликанской эпохи.

Подводя итоги, можно согласиться с М. Кудри [Coudry, 2016b, p. 612], что Дион применял особые повествовательные приемы для описания политического кризиса и гражданских войн позднереспубликанского периода, уделяя при этом повышенное внимание выявлению и демонстрации нарушений в функционировании общественно-политических установлений и органов государственной власти Рима. В разных частях работы Диона дисфункциональность политической системы периодически подчеркивается посредством демонстрации фрагментации политических целей и программ римского общества. Во времена поздней республики, согласно Диону Кассию, именитые политики, римский сенат, плебс действовали как самостоятельные политические силы. Описывая междоусобицы императорского времени, т. е. кризисы 60-х и 190-х гг., Дион также выделяет несколько акторов политического процесса – сенат, императоры, солдаты и римский плебс/толпа¹. Как показывает рассмотренный выше материал, коллективное поведение сенаторов предстает в «Римской истории» одним из важнейших факторов исторического процесса, который наиболее отчетливо проявляется во времена политической нестабильности. В целом ряде пассажей авторская расстановка акцентов и демонстрация ведущей роли римского сената заметно контрастирует с имеющимися в историографии версиями, что подчеркивает концептуальность подхода Диона к репрезентации деятельности *ordo senatorius* в смутные времена. Так, например, именно римский сенат губит Юлия Цезаря, а десятилетия спустя сенаторы готовы уничтожить Тиберия, будь у них такая возможность. Именно сенат наносит решающий удар Нерону, дабы облегчить приход к власти Гальбы, а позднее, уже в мятежные 190-е гг., избавляется от Юлиана, дабы поприветствовать Септимия Севера в качестве императора. Во всех этих случаях Дион, переживший не один политический кризис, апеллирует к идее консенсуса между сенатом и наиболее эффективным политическим лидером в целях минимизации числа жертв борьбы за власть и гражданской войны.

Список литературы

References

1. Barnes T.D. 1984. The Composition of Cassius Dio's Roman History. *Phoenix* 38/3: 240–255.
2. Bertrand E. et al. 2016. Temporalité historique et formes du récit. Le modalités de l'écriture dans les levres tardo-républicains, In: Cassius Dion: nouvelles lectures. V.E. Fromentin et al. (eds.). Bordeaux, Ausonius Éditions: 303–316.
3. Blois, L., de 1997a. Volk und Soldaten bei Cassius Dio. *ANRW II*. 34. 3: 2650–2676.
4. Drexler H. 1959. Zur Geschichte Kaiser Othos bei Tacitus und Plutarch: I. Der sogenannte Prätorianeraufstand. *Klio* 37: 153–163.
5. Carsana C. 2016. La teoria delle forme di governo: il punto di vista di Cassio Dione sui poteri di Cesare. In: Cassius Dion: nouvelles lectures. V.E. Fromentin et al. (eds.). Bordeaux, Ausonius Éditions: 545–558.

¹ Дион неоднократно описывает сцены массовых протестов во время проведения игр. См., напр.: 74 (73).2.3; 74(73).13.2–5, 76(75).4.1–5; 79(78).20.1 [Scott, 2018, p. 8; Newbold, 1975, p. 591].

6. Coltelloni-Trannoy M. 2016a. Les temporalités du récit impérial dans l'Histoire romaine de Cassius Dion. In: Cassius Dion: nouvelles lectures. V.E. Fromentin et al. (eds.). Bordeaux, Ausonius Éditions: 335–362.
7. Coltelloni-Trannoy M. 2016b. Les procédures sénatoriales à l'époque imperiale: les choix de l'historien. In: Cassius Dion: nouvelles lectures. V.E. Fromentin et al. (eds.). Bordeaux, Ausonius Éditions: 625–653.
8. Coudry M. 2016a. Cassius Dio on Pompey's Extraordinary Commands. In: Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician. C.H. Lange, J.M. Madsen (eds.). Leiden–Boston, Brill: 33–50.
9. Coudry M. 2016b. Sénat et magistrats à la veille de la guerre civile entre Pompée et César. In: Cassius Dion: nouvelles lectures. V.E. Fromentin et al. (eds.). Bordeaux, Ausonius Éditions: 609–624.
10. Flower H.I. 2006. The Art of Forgetting: Disgrace and Oblivion in Roman Political Culture. Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 425.
11. Flower H.I. 2010. Roman Republics. Princeton–Oxford: Princeton University Press, 204.
12. Heubner H. 1958. Der Prätorianertumult vom Jahre 69 n. Chr. Rheinisches Museum für Philologie 101: 339–353.
13. Hose M. 1994. Erneuerung der Vergangenheit: Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio, Stuttgart, Steiner, 522.
14. Hose M. 2007. Cassius Dio: A Senator and Historian in the Age of Anxiety. In: A companion to Greek and Roman historiography. J. Marincola (ed.). Malden, MA–Oxford: 461–467.
15. Kemezis A.M. 2014. Greek narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian, Cambridge & New York: Cambridge University Press, 340.
16. Kuhn-Chen B. 2002. Geschichtskonzeptionen griechischer Historiker im 2. Und 3.Jahrhundertn. Chr.: Untersuchungen zu den Werken von Appian, Cassius Dio und Herodian, Frankfurt am Main, Peter Lang, 402.
17. Lange, C.H. forthcoming 2018. Cassius Dio on Violence, Stasis, and Civil War: the Early Years, In: Cassius Dio's Forgotten History of Early Rome. C. Burden-Strevens & M. Lindholmer (eds.). Leiden; Boston, Brill.
18. Langford J. 2013. Maternal Megalomania: Julia Domna and the Imperial Politics of Motherhood. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 203.
19. Madsen J.M. 2016. Criticising the Benefactors: The Severans and the Return of Dynastic Rule. In: Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician. C.H. Lange, J.M. Madsen (eds.). Leiden–Boston, Brill: 136–159.
20. Madsen J.M. forthcoming 2019. Like father like son: the differences in how Dio tells the story of Julius Caesar and his more successful son, In: Cassius Dio and the Late Roman Republic. Leiden–Boston, Brill.
21. Millar F. 1964. A Study of Cassius Dio. Oxford, Oxford University Press, 250.
22. Murison Ch. L. 1993. Galba, Otho and Vitellius: careers and controversies, Hildesheim, Olms, 175.
23. Newbold R.F. 1975. Cassius Dio and the Games. L'Antiquité Classique 44: 589–604.
24. Platon M. 2016. Sénat et pouvoir imperial dans les livres 57 et 58 de l'Histoire romaine de Cassius Dion. In: Cassius Dion: nouvelles lectures / V.E. Fromentin et al. (eds.). Bordeaux, Ausonius Éditions: 652–678.
25. Rubin Z. 1980. Civil-War Propaganda and Historiography. Bruxelles, Latomus. 246.
26. Scott A.G. 2018. Emperors and Usurpers: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History, Oxford: Oxford University Press, 216.
27. Sion-Jenkis K. 2000. Von der Republik zum Prinzipat. Ursachen für den Verfassungswechsel in Rom im historischen Denken der Antike, Stuttgart: Steiner, 250.
28. Wiseman T.P. 1994. The Senate and the Populares, 69–60 B.C., In: The Cambridge Ancient History 2. Cambridge: 327–367.
29. Yavetz Z. 1969. Plebs and Princeps. Oxford. U.P., 170.